

имелось необходимой для национальной жизни цепкости, жажды расширения, воинственности, резкого отгораживания себя от других.

Эту же разницу придется отметить между великороссами XVI и XIX веков. Катастрофа нашего времени без сомнения составляет отдаленное последствие упадка национальной культуры. В XIX в. стерлись окончательно старинные традиции, развилась подражательность, утратились самобытные цели и ослабел пульс жизни... События 1917 г. — апогей национального падения. На сцене современных событий были видны все нации Европы, кроме одной самой многочисленной, великорусской, которая уже 12 лет покорно подчиняется нигде небывалому террору половине миллиона большевиков.

Мало того, что национальное чувство пало, но мы видим признаки глубокого морального падения в повседневном быту эмиграции в особенности среди бывшего правящего класса аристократии и бюрократии. Никто из них не встал в свое время на защиту своего царя, никто не дал свою голову за него. Вернейшие слуги царя явили случаи поражающего морального падения. Не говоря о многих случаях поведения штатских, упомянем несколько случаев из жизни военных. Генералы Слупцев, Добровольский предалися к большевикам, будучи уже в эмиграции; их примеру последовали начальники штаба ген. Кутепова, сперва ген. Доставалов, затем ген. Монкевич, предав несколько голов офицеров, посланных ими же в Сов. Россию для террористических актов.

Как представить возрождение нации в наше время? Когда дело идет о маленькой и однопациональной стране, как Ирландия, Финляндия и Эстония, то как будто дело ясно: на первом месте вопросы самоуправления, самобытной школы, печати. Но что бы значило возрождение государства, занимающего $\frac{1}{6}$ часть света с 150 миллионами жителей, из 106 наций с 366 разными языками по статистике 1922 г.? Как восстановить „Единую и Неделимую Россию“, когда ее народы уже с 1917 г. хотят жить каждый своей национальной жизнью? Опять возвращение к только что развалившемуся империализму? Но вель у всех инокорцев и подчиненных народов уже пробудилось заснувшее под росейским гнетом национальное чувство, они уже предвкушают всю сладость и счастье своей свободы.

Шамба Балинов.

Quos ego!¹⁾

(По поводу очередного „выступления“ ген. Богаевского).

В журнале „Р. К.“ № 4 Донской Атаман ген. А. Богаевский разрешился очередным лепетом против В. К., но ни одной живой мысли, ни одного серьезного слова, сплошная „интуиция“, догадки и... генеральская угроза.

К несчастью Донского Казачества, он носит высокое звание Донского Атамана, окружен ореолом избранника пятимиллионного народа и уже потому нельзя пройти мимо его „выступления“. Он — формальный политический и государственный вождь, „пожизненный“ глава Донского Казачества, но попирающий все основы представляемого им государства; политический вождь революционного времени, не имеющий никакой определенной казачьей идеи, никакой политической казачьей программы, — что может быть ужаснее для народа, имеющего в такое страшное и грозное для его судьбы время такого вождя!

Полная бессомнительность ген. Богаевского в защите подланных интересов Донского Казачества ярко иллюстрируется его поведением в деле предания суду ген. Врангелем Командующего Донской Армией в Крыму. Этот „эпизод“ заслуживает быть приведенным здесь.

Как это „дело“ возникло? Возвращавшемуся в Севастополь и на пути на несколько часов остановивше-

Возможно, что отделившиеся части б. целого будут ссориться между собой, обособляться, отделяться. Лишь постепенно освободившиеся народы образуют тесные группы и союзы, основанные на почве своих национальных, экономических или военных интересов. И только тогда из свободного соединения мелких союзов в союзы крупные получится нечто похожее на лигу народов Востока или нечто вроде соединенных штатов свободных народов.

Для того, чтобы опять пробудилась жизнь в истощенном организме господствовавшего великорусского народа, нужен (? ред.) долгий период одичания и варварства. Может быть нужно, чтобы люди бросили искусственную городскую жизнь, (? ред.) приняв к земле, коснулись нетронутых сил природы, предоставленные самим себе, вне всякой опеки, ушли бы глубже в физическую животную (? ред.) жизнь, чтобы набрать вновь потенциальной национальной энергии для возможного отдаленного будущего нового возрождения.

Наперекор закономерности исторического развития, русская эмиграция мечтает о начале возрождения Единой России через 2—3 года, хотя, правда, многие более трезво смотрят на это, многие „надолго“ устроились за границей или поприимали иностранные подданства.

Из исторических аналогий здесь подойдет превращение античных римлян, эллинов и средне-вековых монголов и персов, и итальянцев и новогреков, в современных монголов и персов.

Надо заметить, что продолжение распада Русской Империи и освобождение ее народов не будет только локальное, местное явление — это знамение времени мирового характера, нашелшее свое выражение после европейской войны в Версальском договоре.

Австро-Венгрия, Германия и Россия, распавшись, освободили из себя Чехию, Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Румынию и Югославию. В Азии судорожно добиваются своего освобождения 360 милл. Индия и около 500 милл. Китай.

Слишком малочисленны господствующие нации, уже пережившие свой расцвет и склоняющиеся к упадку. Слишком велика правда за многочисленными угнетенными нациями, с пафосом и настойчивостью стремящимися к своему национальному возрождению, чтобы не поверить в окончательное торжество справедливости и человечности в этом мире.

муся в Симферополе ген. Врангелю журналист-осваивая Ратимов донес, что Штаб Донской Армии в Евпатории издает газету „Дон. Вестн.“, где „проводится мысль об отделении всего Казачества от России“. И ген. Врангель, по его собственным словам, тут же решил предать суду весь Штаб Донской Армии.

Вот как передает сам ген. Врангель в своих „Записках“ процедуру предания суду ген. Сидорина, Кельчевского и др. „Я предложил г. Ратимову проехать со мной в Севастополь. Прибыв туда, я немедленно послал за Дон. Ат. ген. Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера „Д. В.“ и предложил ему переговорить с Ратимовым. Оставив ген. Богаевского и Ратимова вдвоем, я пришел к себе в кабинет и тут же набросал приказ.

Закончив приказ, я вышел к ген. Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ.

— „Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии“.

— „Да, конечно“... видимо с трудом, едва слышно, ответил атаман“.

(„Белое Дело“, кв. VI, Записки ген. П. Н. Врангель). Тут все от начала до конца замечательно! Как энергичный, честолюбивый, захвативший власть ген.

¹⁾ „Я вас!“ — возглас, с которым Нептун обратился к разбушевавшимся ветрам (у Виргилия).

Врангель, по простому доносу казенного журналиста мгновенно принимает решение о предании суду всего штаба армии „суверенного государства“ вплоть до того, как глава этого государства „смущенный и расстроенный“, соглашающийся, по „предложению“ Врангеля, решать судьбу Донской Армии вместе с каким то журналистом, а затем, без его, Атамана, согласия составленный приказ о разгроме своей армии, „едва слышимым“ шепотом одобряющий „Да, конечно“...

Какое третирирование Атамана, а следовательно, и Донского Казачества ген. Врангелем и какая жалкая покорность ген. Богаевского! Невольно напрашивается параллель, когда б. Донской Атаман ген. Краснов в подобных случаях как себя вел гордо и как достойно защищал престиж Донского Казачества.

Два-три общих замечаний по поводу последнего „выступления“ ген. Богаевского, являющимся „ответом“ на брошюру „Ответы Большого Казачества“.

1) Получение названной брошюры ген. Богаевский нарочито связывает с его посещением чествования памяти покойного адмирала Колчака. Смысл: я, порядочный человек, молюсь за усопших, а вот самостийники не дают мне спокойно помолиться. Странная связь, выражаясь мягко. Память усопших самостийники не оскорбляют, и брошюра ни в какой степени не касается покойного адм. Колчака. Она исключительно посвящена „деяниям“ и действиям живого ген. Богаевского.

2) Ген. Богаевский упрекает самостийников, что „они, не зная, что на нее (статью его) ответить, — не пожалели красок“... и т. д. Это называется с большой головы на здоровую. В упоминаемой брошюре все „доводы“ и утверждения ген. Богаевского были разобраны, что называется, по косточкам, опровергнуты (сделать чего не представляло никакой трудности), а в обоснование вольноказачьего движения выставлен ряд исторических, бытовых, социально-экономических и т. п. положений. Но как раз по поводу этих положений ген. Богаевский не обмолвился не единым словом, видимо, ему нечего сказать против них. Вот почему он счел за благо для себя ограничиться такой стереотипной, более безопасной фразой: „я уже не раз высказывал свои взгляды на „самостийность“ и повторять их не буду“.

Но такой способ борьбы с политическими противниками, выражаясь высоким штилем, называется *Argumentum ex silentio* — выводить доказательства из умалчивания, к помощи чего всегда прибегают все бессильные, не имеющие возможности честно полемизировать со своими противниками.

Что же касается его заявления, что самостийники выдают его „как влешего врага Казачества“, можем заявить, что они такого выражения не употребляют, а только говорят, что ген. Богаевский предаст подлинные интересы Казачества. Но в такой квалификации поведения ген. Богаевского не самостийники являются первыми. Еще в 1920 г. Председатель Донского Круга В. А. Харламов в своем докладе членам Круга именно так определил общественно-политическое поведение ген. Богаевского, на что последний реагировал слезливым личным письмом Харламову, где между прочим писал: „зачем в докладе нужно было выставлять меня, как предателя Казачества, в лучшем случае, как безвольного, ничтожного человека, по ошибке выбранного Атаманом“...

3) Ген. Богаевский делает сильное ударение на то, что третья статья в брошюре без подписи, но „автора которой (статьи) я хорошо знаю“ — „... автор, видимо, трусил... Сделал гадость В. Атаману, нагнал на него с бешеной злобой всяких небылиц, многое перепутал, — и трусливо скрылся за анонимную подпись. Так безоблачнее!“ И ген. Богаевский обещает розыскать автора, путем опроса.

Если в брошюре имеют место ложь, клевета, опорочено честное имя то для восстановления истины, реабилитации честного имени существуют нормальные, законные способы. Мы живем не в африканских джунглях, а в культурной Европе. Организация, издавшая упоминаемую брошюру и готовая ко всякой ответственности за нее, находится в Праге, где находится и представитель Дон. Атамана. У ген. Богаевского име-

ется для этого и свежий пример: живущий в Белграде г. Махин недавно присудил в Парижском суде за клевету близкую по духу ген. Богаевскому газету „Возрождение“.

4) Ген. Богаевский не желает „разбирать всех этих произведений: ничего нового, кроме всяких измышлений по моему адресу. — эти господа не дали: та же злоба против России, — и минувшей и будущей, — и очень мало сказано о России настоящей, — ведь это чужое для них, враждебное государство!“ — с возмущением восклицает он.

Относительно „измышлений по моему адресу“ мы уже выше сказали. Что же касается злобы самостийников к России трех времен, то ген. Богаевский ничтоже сумняшеся сделал маленькую перестановку в утверждении самостийников и на свой вкус „изобрел“ отношение вольных казаков к России прошлой, настоящей и будущей.

У самостийников никаких поводов питать особенных любовных чувств к России прошлой нет. Этого они ни от кого не скрывают. К России будущей у самостийников никакого отношения, тем более „бешеной злобы“ быть не может просто потому, что неизвестно — какая она будет. Это отношение исключительно зависит от самих русских (великоруссов). Откажутся русские (великоруссы) от своих великодержавных тенденций и займутся устройством своей народно-государственной жизни на равных основаниях со всеми другими народами, в том числе и с Казачеством и в братском сожительстве с ними — слава Богу, скажут самостийники. Но Россию будущую, такую, какой она снится в Париже „русским патриотам“, т. е. такую Россию, которая кровью и железом будет подавлять все народы, в том числе и Казачества, самостийники, естественно, желать не могут.

Но явную неправду говорит ген. Богаевский, когда утверждает, что у самостийников „очень мало сказано о России настоящей, — ведь это чужое для них, враждебное государство!“

Ведь самостийники все время только и говорят о „России настоящей“, т. е. о СССР. Всю свою действительную ненависть направляют против нее, где властвуют „собиратели земли русской“ — большевики, решившие физически уничтожить Казачество и действительно на деле уничтожающие. И этой своей ненависти к СССР ни от кого не скрывают, постоянно высказывают, а вот ген. Богаевскому вадумалось утверждать, что они молчат о „России настоящей“, т. е. о большевиках и, как атаман, требует выявления любви к ней.

Пристало ли, как никак, все же формальному главе Донского Казачества, требовать от казаков любви к СССР, в устах Богаевского к „России настоящей“? Очевидно, он не вникает в смысл того, что пишет. Даже близкая ему русская патриотическая газета „Возрождение“, при всем своем желании поднять „цену“ Богаевскому, говоря о „выступлении“ его против самостийников („суровая отповедь“) и приводя цитаты из его писаний, очевидно, очутилась в затруднительном положении, ибо из середины целого предложения Богаевского стыдливо опустила „России настоящей“.

5) По совершенно непонятной логике ген. Богаевский к брошюре „ответы“ пристегнул похищение ген. Кутепова и заявляет, что „г.г. самостийники злорадно молчат“, тогда как „все искренно верующие в Бога, горячо молятся“.

Какая логика: в огороде бузина, а в Киеве дядька!

6) Беспokoят ген. Богаевского деньги, якобы, получаемые В. К. „А деньги, видимо, даются немалые. Издание журнала, „Календаря“, наконец, книжек, вроде „Ответов В. К.“, ведь все это стоит очень недешево, не считая платы тем, кто кормится около них“, — сокрушается ген. Богаевский.

В этом своем утверждении ген. Богаевский, конечно, по своему прав. Ведь у него большой собственный „опыт“ — имел огромную, многомиллионную Донскую казну и ничего не сделал. А тут голодранцы-самостийники, как хорошо заведенные часы, точно, аккуратно издают единственный большой периодический казачий печатный орган в эмиграции; выпускают первый большой казачий „Календарь“; издают большой научный

труд „Историю Казачества“; книгу „Казачьи Земли“; сборник стихотворений молодого казачьего поэта; создают целую казачью литературу, серьезное казачье политическое движение; объединяют в единую казачью семью сотни молодых казачьих писателей и журналистов, рассеянных по всему свету...

Значит, думает ген. Богаевский, для такого большого дела во сколько же крат больше средств нужно иметь, чем бывшая у меня Донская казна, на которую я ничего не сумел сделать! Он не может себе уяснить, как все лучшие активные, идейные молодые казаки из всех концов мира приходят Вольному Казачеству с моральной и материальной помощью и, не понимая этого идейного процесса, сидя в Париже и благодушествуя, угрожает ужасами этим молодым казакам, в ком эмигрантская нужда не убила еще искры Божией.

7) До сих пор только откровенные „русские патриоты“ проливали крокодиловы слезы, „раскаивались“, что мало казаков вешали, а надо было всех казачьих деятелей поголовно перевешать, как Кулабухова („Царский Вестник“) и что теперь всех казаков-самостийников необходимо взять на прицел и держать их на мушке и не „лущать“ („Голос“). Но теперь к этому хору иступленных поспешил присоединить свой атаманский голос и ген. Богаевский. „Будущая Россия.. будет помнить и тех (самостийников), кто точил нож на нее“...

Берегитесь вы, сотни молодых, идейных казаков, что рассеяны по всему свету и не забывшие родившее и вскормившее вас многотрадальное Казачество! Ваш атаман берет вас на прицел за то, что вы посмели говорить и писать о казачьих страданиях, о казачьих правах!

Так, исчерпав весь свой багаж, за неимением ничего лучшего, ген. Богаевский прибегает к помощи *argumentum bacillinum* — (палочное доказательство: колотить вместо того, чтобы доказывать).

8) „Я хорошо знаю, какую ничтожную роль играют среди вас самостийники, несмотря на все их усилия. Не страшны они Родине! Читайте их „В. К.“ и хохлацкие странички в нем: там попадаются неплохие рассказы и стихи совсем не самостийного направления“... — пишет ген. Богаевский.

Спасибо и на том. Но тут уже пахнет двусмысленностью: и нашим и вашим, и Богу и черту. На этот раз в искренность совета его верю, верю, что он желает, чтобы журнал „В. К.“ выходил, вольно-казачье движение росло и ширилось, так как существование „В. К.“ лично ген. Богаевскому чрезвычайно интересно, ибо это сильно поднимает его „цену“ в глазах „русских патриотов“. Это повышение ценности Богаевского прямо пропорционально росту вольноказачьего движения: чем больше растет и ширится В. К. движение, тем больше внимание и почет оказывают Богаевскому его высокие хозяева.

Доказательство: а) во время „Зарубежного Съезда“, когда „В. К.“ не было, „русские патриоты“, как милость, предоставили ему, как главе Донского Казачества равное право с... обществом сестер милосердия. Так „высоко“ ценили его тогда, а теперь, после появления „В. К.“, как плата за верность, преданность, граф. Коковцев предоставил представителям Казачества во главе с Богаевским пять мест в Русском Эмигрантском Комитете, о чем ген. Богаевский с радостью сообщает казакам, как о высочайшей милости.

б) теперь „цена“ ген. Богаевского настолько повысилась, что он даже удостоился быть избранным в „Главный Комитет по сбору фонда спасения России имени Великого Князя Николая Николаевича“.

в) такое небывалое внимание настолько обрадовало ген. Богаевского, что он в порыве счастья с несколькими своими приближенными казаками создал в Париже банк, но только не казачий, а русский. Зачем, мол, казачий — это и незначительно и „хозяевам“ может не понравиться. А непременно русский, всероссийский — и невидность будет соблюдена и интерес больше, но только в банк должны вносить казаки, как то настойчиво советует казакам ген. Богаевский.

Что же касается „ничтожности роли“ самостийников среди казаков, то не пожелает ли ген. Богаевский испытать авторитет свой и силу среди казаков и по-

путно выяснить „ничтожную роль“ самостийников? Ведь для этого есть очень простой способ: созвать из всех живых Членов Круга и представителей всех существующих казачьих организаций Съезд. Слава Богу, из многомиллионной Донской казны должны же оставаться средства, достаточные для созыва подобного Съезда. Со своей стороны и В. К. всемерно стало бы содействовать этому делу: интересно же все таки спросить у самих живых казаков, что они думают, чем гадать на кофейной гуще или брать патент (пожизненный) выражения подлинного мнения всех казаков.

Но мы знаем, что ген. Богаевский на подобное общественно-политическое самоубийство не пойдет, ибо у него и на этот счет большой личный „опыт“, когда он чуть было не расстался с атаманским перначем. На казачьем Съезде в Пловдиве (Болгария) он сохранил за собою звание Атамана ничтожным большинством. И это ничтожное большинство составилось старанием и голосом того самого ген. Старикова, которого ныне Богаевский взял на мушку. А давно известно — „обжегшись на молоке — дует и на воду“.

Пока же что относительно голословного утверждения ген. Богаевского о „ничтожной роли“ самостийников можем только сказать: кто поживет, тот увидит.

Но как замечательны его два словечка: „хохлацкие странички“. Думается, что в русской литературе трудно будет найти подобное выражение. Уместно будет спросить у ген. Богаевского: когда в 1918 г. он в качестве Председателя Донского Правительства добивался союза с независимой Украиной, — как он называл украинский язык, письмо — „хохлацкими страничками“? Половина Кубанских казаков на этом „хохлацком“ языке пишут эти самые „хохлацкие странички“. Распространяет ли он и на этих Кубанских казаков все свое презрение, выраженное в этих двух словечках? Где же „братья Кубанцы“? И где презренные хохлы? Где ложь, где правда?

После этих общих замечаний, по необходимости непоследовательных, так как я следовал по пунктам, как они изложены в статье ген. Богаевского, мне хотелось бы показать читателям-казакам ту „эволюцию“, сделанную Богаевским: от проповеди о казачьем „самостоятельном, ни от кого независимом, окончательно определившемся государстве“, о суверенности Казачьего государства „независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем“, к „Единой, Неделимой“, к двуглавному орлу; показать всю шаткость его ответственных политических заявлений и выступлений, меняющихся в зависимости от времени года и географического пункта, где он в данное время пребывает. Но, чтобы гарантировать себя от возможного упрека в неправдивости, в фантазии и т. д., постараюсь одно физическое лицо Богаевского представить в разных политических лицах по его же собственным словам и официальным заявлениям.

Итак, первый политический Богаевский.

1918-й год. Дон объявлен независимым Государством. Согласно Донской Конституции — во главе Донского Правительства ген. Богаевский. Донское Казачество истекает кровью в страшной борьбе с красной Москвой (ныне для Богаевского „Россией настоящей“). Народное представительство Донского Казачества — Донской Круг является полновластным хозяином Края и указывает, определяет политические пути государственной жизни. Необходимы союзники в борьбе с Москвой. Рядом — независимое Украинское Государство (ныне для Богаевского „хохлацкие странички“), тоже ведущее жестокую борьбу с красной Москвой. Подлинные интересы Донского Казачества требуют, чтобы с Украиной был заключен союз. И вот Председатель Донского Правительства, ген. Богаевский, при наличии верховного Хозяина Дона — Круга лишенный возможности произвола, в полном согласии с казачьими интересами пишет Украинскому Правительству:

Ясновельможному Пану Гетьману Всея Украины.

Нотой от 17 июля с. г. за № 6024 Правительство Украинской Державы заявляет о неизменном желании жить в дружбе с В. В. Д., как с суверенной и независимой Державой; единственное препятствие к призна-

нию Дона самостоятельным и к установлению необходимых добрососедских отношений и к разрешению вопроса о границах Украинское Правительство видит в §§ 1 и 6 декларации Всевеликого Войска Донского, в которых как будто его Правительство просит о признании В. В. Д. самостоятельным и суверенным лишь временно впредь до образования в той или иной форме единой России.

В. В. Д., уже существовавшее как самостоятельное государство с 1570 по 1645 год, в настоящее время, отделившись от Советской России, объявляет себя вновь вполне самостоятельным, ни от кого независимым, окончательно определившимся и суверенным государством, и с своей стороны, стремясь к самой тесной дружбе и мирному сожительству с Украинской Державой (теперь для Богаевского „хохлацкой страничкой“. Ш. Б.), предлагает всем государствам признать его таковым.

Вместе с сим Правительство В. В. Д., постоянно стремясь к поддержанию и развитию дружественного и мирного сожительства с Украиной, и признав необходимым для блага населения и развития экономических условий В. В. Д. жить в самой близкой дружбе с Украиной, каков бы строй ни был в России, полагает, что наличие §§ 1 и 6 декларации не должны вызывать толкований о расхождении В. В. Д. с Украиной, в случае образования единой России, а лишь предусматривает, что, если когда-нибудь возродится Россия, то и тогда В. В. Д., отделившееся в настоящее время от нее самостоятельное государство, соблюдая дружбу и связь с Украинской Державой, не изменит Украине своей дружбой. (А как скоро все таки изменял Богаевский? Ш. Б.)

Правительство В. В. Д., полагая, что образование единой России без Дона и Украины, этих мощных и самостоятельных государств с большими территориями и природными богатствами, не мыслимо, — считает, что §§ 1 и 6 декларации отнюдь не могут служить препятствием к тесному сближению и неразрывной дружбе Украины и Всевеликого Войска Донского, как соседних самостоятельных и суверенных государств, идущих по пути взаимной поддержки независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем.

Правительство В. В. Д. убеждено, что настоящие намерения помогут скорейшему и окончательному разрешению взаимоотношений между двумя суверенными державами Украиной и Доном на неизменных началах взаимности и равенства.

Подписал: Председатель Совета Управляющих Отделами и Управляющий Отделом Иностранных Дел А. Богаевский.

Что это?

Подлинная самостоятельность — скажет всякий человек. И вольные казаки, против которых ныне так ополчился ген. Богаевский, ничего нового, ничего большего не говорят.

В этом только и заключался весь смысл и пафос борьбы Казачества с большевиками. И только в нем был главный залог успеха героической казачьей борьбы. Но к несчастью борьба Казачества за „свой порог и угол“ силою обстоятельств и злой волей некоторых казачьих вождей растворилась в борьбе добровольцев за златоглавую Москву, за „Великую Россию“ и привела к ужасному для Казачества концу.

Об этом единственном смысле борьбы казаков указывает и такой свидетель, как Л. Троцкий в своей книге „Моя жизнь“, II, стр. 187. „Казачество хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву“. В силу разности природы этих двух сил, разности их целей и задач в среде высшего красного командования происходила борьба: Троцкий настаивал на том, чтобы отделиться от казаков Деникина, предоставив казаков самим себе, легче справиться с Деникинщиной. Но победила противоположная точка и „если Деникин не мог поднять Казачество на далекий поход против севера, то ударив по казачьим гнездам с юга, мы помогли Де-

никину. Отныне казаки не могли уже защищаться только на своей собственной земле. Мы связывали их судьбу с судьбой добровольческой армии..“

„В тылу Деникина казаки образовали могучий оплот. Они вросли в свою землю, держались за нее зубами и когтями. Наше наступление поставило на ноги все казачье население..“

„Казаки оставались бы на местах, чтоб охранять свои границы от чужаков, но мы их не трогали бы. Вопрос о Казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической..“

Замечательное свидетельство. Если не связись Казачество с Деникиным „мы их не трогали бы, вопрос о Казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической“. Т. е. разрешение этого вопроса путем дипломатических переговоров на тех же основаниях, на каких осуществили свою самостоятельность прибалтийские государства.

Этому показанию Троцкого можно поверить, если принять во внимание то тяжелое, почти безвыходное положение большевиков, в каком очутились они тогда: они из естественного желания самосохранения в центре могли примириться с самостоятельностью Казачества.

Но получилось худшее. Казачьи вожди потянули казаков к Москве, а в результате очутились у разбитого корыта. Мало того, и теперь они хотят повести казаков спасать Москву от русского народа.

1920-й год. Крым. Остатки брошенной „хозяевами“ ген. Богаевского Донской Армии в Евпатории. Казачество потеряло свою территорию, власть, очутилось у Врангеля „на положении бедного родственника“. Но все же на лицо Донской Круг, который еще может предъявить кое-какие требования к своему Атаману, в случае чего и скинуть его с поста. Учитывая это, ген. Богаевский ведет себя, хоть на словах, самостоятельным и подает меморандум представителям Антанты.

— „После выступления лорда Керзона с предложением капитулировать, — рассказывал мне Дон. Атаман ген. Богаевский, — наше Донское Правительство составило особый меморандум, который был разослан представителям иностранных держав. В этом меморандуме мы указывали на историческое право казаков на самостоятельное существование, на их свободолюбие и республиканские убеждения. С насильственно навязанным советским строем Казачество не примирится никогда. В виду этого Донское Правительство настаивало на том, что, если вопрос о борьбе с большевиками бесповоротно будет решен в отрицательном смысле, — независимость Донской территории должна быть гарантирована Антантой. Взаимоотношение советской России и Донцов должны быть только договорными“.

Меморандум этот был препровожден „для ознакомления“ Врангелю.

— „Представляя из себя последние два с половиной года самостоятельное государство с определенными территориями и населением, — писал ему Богаевский, — Войско Донское и при ликвидации борьбы не может быть безгласным свидетелем переговоров. Оросив кровью каждую пядь своей земли, отстаивая старинные вольности, Донское Казачество не может помириться с поглощением его советской Россией и перед Правительством Дона встает вопрос об обеспечении интересов Казачества дипломатическим путем. В случае катастрофы, Казачество не может рассеяться, так как оно привязано к своей территории“.

Так писал и говорил ген. Богаевский об „историческом праве казаков на самостоятельное существование“. Но времена меняются, меняются с ними и люди.

1921 год. После Крымской катастрофы казаки в Турции. Донской Круг стал еще беспомощнее, стал менее опасным для Богаевского, но все же он тут, близко, чем черт не шутит — может еще неприятность какую наделать. Поэтому и Богаевский ведет себя еще самостоятельным, хотя уже не так решительно, как рань-

ше. Он идет вместе с другими атаманами спрашивать представителя Франции г. Пелле: „В какой мере и в каком направлении казаки могут рассчитывать на помощь Франции и союзников? Могут ли казаки получить в данный момент денежную поддержку, поддержку материальную всеми средствами в случае неизбежности борьбы с большевиками за освобождение Казахских Областей, а также рассчитывать на поддержку авторитетом великих держав стремления к независимости казаков от сов. России?“

Здесь ген. Богаевским уже проделана некоторая „авалюция“ — самостоятельность постолько-поскольку. Если союзники окажут „денежную поддержку“, если „поддержат авторитетом великих держав“, то можно быть еще самостоятельным.

Но прошли годы. Донской Круг вынужден был, в силу сложившихся обстоятельств, самоликвидироваться,

казаки разбрелись по всему свету. Некому стало требовать от ген. Богаевского отчета о его политическом поведении, как Атамана. С этой стороны для него опасность миновала. На возвращение в Родные Края, а тем более на сохранение атаманской булавы он поставил крест, обеспечив себе из огромной Донской казны безбедное „пожизненное“ существование в столице мира — Париже, и картина радикально меняется.

Теперь „прежде всего русский, а потом казак“ ген. Богаевский изо всех сил старается избавиться от своих временных увлечений, исправить свои недавние „грехи“ по части самостоятельности — поиграл немного и довольно с меня — и по генеральски „топает“ на казаков: не моги, любя „Россию настоящую“. Quos ego!

Спрашивается — какого времени Богаевскому казаки должны верить?

Константин Поляков.

„Вынужденный прогресс“.

На страницах последних номеров журнала — „Родимый Край“ напечатан очерк В. Н. Светозарова — „Народное образование на Дону“.

Несмотря на полноту и обстоятельность этого очерка, надо все же сказать, что большая доля написанного была известна многим казакам уже там, на Дону.

Объясняется это тем, что главным образом, мимо казачьей молодежи не мог пройти бесследно этот прекрасный момент в жизни независимого Дона.

Освободившееся Донское Войско сразу ушло необходимость создания крепких кадров новой казачьей интеллигенции для укрепления своей государственности. Результатом этого было открытие целого ряда школ: высших, средних и специальных.

И вот, перед казачьей молодежью впервые широко открылись двери своих школ, в которые живым потоком влилась молодая казачья интеллигенция. Она шла с полным сознанием своего долга перед своей родиной, зная, что в большинстве случаев она получает ту возможность, которой не могли получить многие казаки раньше, в период совместного существования Казачества с Россией.

Что же говорит об этом автор очерков В. Н. Светозаров? — „Вследствие оторванности Донского Края от остальной России, — пишет он, — Дон вынужден был жить полным темпом государственной жизни“.

Обратим внимание на смысл этих слов автора. Донское Войско, отделившись от России, действительно начало жить „полным темпом государственной жизни“ и мы видели, что принес этот темп.

Но для чего и для кого автор очерка оперирует этим словом „вынужден“? Мы знаем, что в период государственной независимости Дона, во всех областях жизни Края произошло улучшение, жизнь получила могучий толчок к развитию и прогрессу. Между тем, что касается В. Н. Светозарова, то можно подумать, что он неискренно относился к этому улучшению в жизни Донского Войска. Если автор очерка называет это улучшение вынужденным, то на каких же ролях он выступал там, в Донском Войске, занимая столь высокий пост? (министр ведь народного просвещения!) — В таком случае говорят, что человек, не вкладывающий в дело свою душу, работает как специалист, или более характерно, как „спец“. Очевидно будет это приложимо и к автору очерка „Народное образование на Дону“.

Далее В. Н. Светозаров говорит: „Повсюду чувствовалась острая нужда отвечать на многогранные жизненные вопросы“. Но почему чувствовалась острая нужда, автор умалчивает и, далее всячески лавируя, слащаво переплетает имя Казачества с именем России.

Школы, мол, на Дону основывались для Казачества и для будущей России, в которой революция приостановила нормальный ход жизни.

Спрашивается, почему же у Казачества революция не приостановила нормального хода жизни, а наоборот

дала возможность жить „полным темпом государственной жизни“? — Ответ ясен. Он дан историей.

Свобода, пришедшая в 1917 г., была воспринята казаками как возможность восстановить свои исторические права. Казачество поняло, что оно может сделать теперь то, чего не могло осуществить раньше.

И — оно создало, оно воскрешало жизнь, застоявшуюся за время двух столетий Российской гегемонии.

Зная, что в основе каждого здорового государства лежит семья и школа, Казачество радостно приветствовало открытие своих народных учебных заведений.

Они должны были воспитать свои казачьи силы, силы с цельными душами, умеющими любить, равно как и хранить чувство благодарности к своей Казачьей Родине и не забывающими ее в тяжелые для нее времена.

Мы знаем, какой колоссальный ущерб приносит народу отсутствие у него своих школ. Это обыкновенно бывает у народов, поработенных другими народами. Так было у чехов, поляков, сербов и болгар, живших под властью других государств; так было и есть до сих пор у Казачества.

В таких случаях молодежь бывает принуждена идти в чужие школы (господствующего народа), а так как воспитание и среда имеют большое влияние на каждого человека, то и получалось, что люди теряли свое национальное лицо и становились половинчатыми душами. Такие люди часто стыдятся называться именем своего народа.

Россия великолепно учитывала то значение, которое имеет для каждого народа своя школа. Поэтому, напр., русское правительство, боясь реального оформления казачьего национального самосознания, всячески препятствовало развитию школьного дела в Казахских Краях. Препятствия к этому чинились различными способами. Так, напр., всем известно, как назначенный атаманом Святополк-Мирский, в первой же станице увидел вывеску гимназии, категорически приказал сорвать ее и заменить вывеской ремесленного училища, потому что „казаки должны делать ленчики для седел, а не учиться в средних школах“.

Николай II рекомендовал казакам тоже вместо средних школ строить манежи, потому что казаки должны учиться только верховой езде, а не чему больше.

И вот, в результате такой политики, Казачество замыкалось в узкие, строгие рамки военной службы. Отдельные лица, благодаря своим способностям, выдвигавшиеся из народных масс Казачества, за отсутствием своих высших школ, становились офицерами, т. е. опять таки замыкались той же русской политикой только в военные границы.

Русские верхи торжествовали... Теперь Россия обезопасена от всяких стремлений к самостоятельности со стороны Казачества. Казаки милитаризованы, их интеллигенция почти исключительно военная, а над каждой армией довлест первое и основное положение: „Армия вне политики“. Каждый намек казачьего офицера